

УДК 802/809:37

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/2-258-263

МУЛЛАГАЛИЕВ Наркиз Камилевич,
Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия
narkizmoullagaliev@mail.ru

MOULLAGALIEV Narkiz K.,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia
narkizmoullagaliev@mail.ru

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
ГАРРИЕТ БИЧЕР СТОУ И ИХ ПЕРЕВОДЫ НА
ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК**

**LEXICO-SEMANTIC MEANS OF EXPRESSING
MODALITY IN THE WORKS BY GARRIET
BEECHER STOWE AND THEIR
TRANSLATIONS INTO TATAR LANGUAGE**

Статья посвящается сравнительно-сопоставительному анализу существующих лексико-семантических средств выражения модальных отношений английского языка в художественных произведениях Гарриет Бичер Стоу и их переводах на татарский язык. Работа определяет границы взаимозависимости результатов различных наук, подчеркивает роль русского языка в формировании переводческой деятельности среди татар и рассматривает случаи переноса реальной, ирреальной и императивной модальности английской речи посредством различных языковых средств татарского языка. В данной статье мы подходим к процессу перевода художественного произведения одновременно с нескольких позиций. Во-первых, принимаем во внимание особенности организации речевых ситуаций с точки зрения интонации (просодические средства), во-вторых, изучаем грамматическую и лексическую характеристику переводимого текста, в-третьих, обращаем внимание на стилистическую оболочку контекста. Это немаловажно, так как только одновременный анализ всех языковых средств может обеспечить точный и экспрессивно идентичный перевод оригинального художественного текста. Данный подход помогает полноценно передать проявление модальности в любой из ее форм, сохраняя при этом авторскую идею, замысел и атмосферу всего произведения. Изучаемые в статье вопросы составляют значительный вклад в систематизацию существующих знаний о категории модальности и расширяют границы сравнительно-сопоставительного языкознания.

The article describes the comparative analysis of existing lexical and semantic means of English language expressing modality in novels of Harriet Beecher Stowe and their translations into Tatar language. The research defines interdependence boundaries of results of various sciences, emphasizes role of Russian language in formation of translation among Tatars. It also deals with cases of transferring of real, unreal and imperative modality from English into Tatar language through different linguistic means of latter. In this article we investigate the process of fiction translation from several positions simultaneously. Firstly, we pay attention at peculiarities of speech organization from the standpoint of intonation (prosodic means of the language), and secondly, we study grammatical and lexical characteristics of source text, and thirdly, we deal with stylistic frame of context. This is important because only simultaneous analysis of all linguistic means can provide accurate and identical translation of the original fiction. This approach makes it possible to convey the modality in any of its forms maintaining the author's idea, the design and the atmosphere of the whole work. Materials of the article have a significant contribution to study about linguistic category of modality and moreover they extend boundaries of comparative linguistics.

Ключевые слова: интеграция, теория перевода, сравнительно-сопоставительное языкознание, типология, реальная модальность, ирреальная модальность, императивная модальность, уровни языка, модальность художественного текста, английский язык, татарский язык, англо-американские художественные произведения.

Keywords: integration, translation theory, comparative and contrastive linguistics, typology, real modality, unreal modality, imperative modality, levels of language, modality of a literary text, English language, Tatar language, British-American fiction

В современном языкознании всю большую актуальность приобретают вопросы, связанные с изучением неродственных и разноструктурных языков. Повышенный интерес к сравнительно-сопоставительному изучению языков вызван, прежде всего, процессами интеграции и глобализации, которые диктуют новые требования и условия в межъязыковом общении. Объектами исследования становятся новые языки, которые ранее изучались изолированно или в процессе сравнительного изучения в рамках одной языковой группы, а в современной науке подвергаются сравнительно-сопоставительному изучению, в ходе которого выявляются схожие элементы двух и более неродственных языков. Результаты сравнительно-сопоставительного изучения языков расширяют знания в области грамматики, морфологии и синтаксиса, а также имеют практическую ценность в процессе организации художественного перевода. Перевод художественных произведений англо-американской прозы на татарский язык становится актуальным в современном мире в связи с возросшими требованиями к качеству и точности переводимого текста, который зачастую искажается в силу двойного (сначала с английского на русский, потом с русского на татарский) языкового перехода. Русский язык всегда был языком-посредником, который знакомил татар с мировыми классиками, помогал понимать быт и культуру народов Европы и Азии, Африки и Японии и т.д. В современном мире был накоплен достаточный опыт и знания в области языкознания, истории, геологии, географии, психологии, культурологии для открытого диалога культур, который подразумевает непосредственный и глобальный речевой контакт.

В рамках данной статьи мы рассмотрим особенности передачи языковой категории модальности в процессе перевода художественного произведения с английского языка на татарский язык. При этом обратим особое внимание на сохранение оригинальной идеи автора и атмосферы всего произведения в целом. Перевод художественного произведения, осуществляемый между двумя неродственными языками, вызывает ряд проблем, связанных с разностью культурно-нравственных и морально-эстетических ценностей рассматриваемых языков. Существуют и сложности перехода с одного языка на другой, основанные на разнице восприятия ценностей жизни и миропонимания. Использование результатов сравнительно-сопоставительного изучения английского и татарского языков, языковой категории модальности, результатов исследований по теории перевода дает нам возможность практически без потерь переносить с одного языка на другой лексико-семантические категории. При этом происходит и обратный процесс взаимообогащения, когда практические результаты перевода приносят качественно новые знания в лингвистику. Наряду со многими языковыми категориями происходит количественное и качественное обогащение и лексико-семантической категории модальности. Если изначально категория модальности возникла только на основе единичных суждений, содержащих в себе реальность или ирреальность, и сводилась к описанию отдельных языковых элементов, выражающих модальные отношения, то в современном понимании охватывает все слои языка, переходя в разряд лексико-семантических категорий лингвистики. Этим можно объяснить и обширную теоретико-методологическую базу по вопросу исследования: ученые, занимающиеся вопросами организации и структуризации языка – Шарль Балли, Л. В. Щерба, В.Н. Сидоров, В.Н. Бондаренко, В.В. Виноградов, Р.Г. Миннихметов, В.Н. Хангильдин, Ф.Ю. Юсупов, В.Н. Хисамова; ученые, работающие над теорией перевода – В.С. Виноградов, А.В. Федоров, В.Н. Комиссаров; профессиональные переводчики на татарский язык – Г. Баширов, Ф. Хусни, А. Еники, Г. Шарафутдинов, Л. Гизатуллина, Н. Фаттах, Г. Губай, С. Адгамова, Г. Лутфи, Р. Валиев, Н. Исанбат, Ф. Миннуллин, Р. Гайнанов, Р. Даутов, А. Гумеров, К. Янгулов, Я. Шамсутдинов.

Лексико-семантическая категория модальности на сегодняшний день представляет из себя большой пласт языкового материала и может выражать реальность-ирреальность и императивность. Мы не говорим о субъективности или объективности, так как считаем, что любое высказывание, содержащее в себе объективную информацию, по своей сути субъективно, так как в любом высказывании присутствует часть говорящего [1], [2]. Объективность и субъективность здесь сосуществуют, так как описывают отношение высказанного к действительности и отношение говорящего к высказываемому, то есть определяют разные качества. Здесь мы говорим о широком значении категории модальности, которая охватывает не отдельно взятые лексико-грамматические компоненты, а целые контекстуальные отрывки, внутри которых формируются модальные значения. При этом мы можем назвать следующие лексико-семантические средства языка:

- просодические;
- грамматические;
- лексические;
- стилистические средства.

Важно заметить, что отдельные категории лексико-семантических средств могут употребляться как независимо друг от друга, так и дополнять друг друга в речевой ситуации. Например, интонация может сопровождать любое проявление модальности в рамках художественного произведения. Источником примеров передачи модальности с английского языка на татарский нам послужило произведение “Хижина дяди Тома” Гарриет Бичер-Стоу, так как, во-первых, оно переведено на русский и татарский языки, во-вторых, в силу описываемых ситуаций “Хижина дяди Тома” является высокоэксpressивным произведением.

К *просодическим* средствам выражения модальности мы относим все интонационные проявления языка, которые в лингвистике определяются фразовым и логическим ударением, паузой, ритмом, тембром, темпом и тоном. В рамках художественного произведения интонация может быть передана контекстуально или при помощи знаков препинания, а также может сочетаться с другими языковыми средствами выражения модальности. Рассмотрим несколько примеров передачи модальности при помощи просодических средств.

Следующее предложение содержит императивную модальность, которая выражена сразу несколькими лексико-семантическими средствами. Во-первых, на повышенный тон высказывания указывают восклицательные знаки, во-вторых, форма повелительного наклонения формирует императивную модальность текста, в-третьих, грамматическая форма с использованием вспомогательного глагола *do* перед инфинитивной формой без частицы *to* усиливает и добав-

ляет в речь говорящего элемент просьбы и отчаяния: "O, ma'am!" said she, wildly, to Mrs. Bird, "do protect us! don't let them get him!" [3, с. 60]. В переводе Волжиной на русский язык предложение звучит как: «Он здесь! Он здесь! – воскликнула женщина. – Спасите нас! Спасите! – В этих словах, обращенных к миссис Берд, звучало беспредельное отчаяние. – Его отнимут у меня!» [4, с. 43] Как мы видим, переводчик сохраняет знаки пунктуации и форму повелительного наклонения, а особая грамматическая форма английского языка с использованием вспомогательного глагола передается лексически «беспредельное отчаяние», «отнимут у меня». Глагол «отнимут», использованный переводчиком, содержит больше скорби. При передаче усиленного императива или отчаяния на татарский язык переводчик Гариф Губай использует форму настоящего времени второго лица на *-й* со словом «күрегез», который заменяет английский вспомогательный глагол *do*, и также указывает на уважительное отношение говорящего через форму множественного числа на *-гыз, -гез*. «O, ханым, безне яклыь күрегез! Улымны алар кулына бирмәгез» [5, с. 103].

Восклицательный знак и повышенный тон высказывания может также указывать на реальную модальность высказывания: "Because I'm a freeman!" said George, proudly. "Yes, sir; I've said Mas'r for the last time to any man. I'm free!" [3, с. 82] В данном случае реальность высказывания усиливается чередованием фраз «*I'm a freeman!*» и «*I'm free!*», которое известно как особое стилистическое средство *обрамление* (*framing*). Перевод на русский язык звучит как: «Я теперь свободный человек! – гордо ответил Джордж. – Да, сэ! Больше никто не услышит от меня слова "хозяин"... Я свободен!» [4, с. 58] При переходе на татарский язык переводчик отказывается от восклицательных знаков в предложении, что скорее связано с менталитетом татар, которые редко прибегают к восклицанию, даже при выражении радости или негодования. Для передачи гордости говорящего используются лексические средства языка. В данном случае это слово «*горурланып*», связанное со словом «*горур*» (гордый), которое выражает внутренние переживания героя и также стилистический прием, выраженный в повторении одной и той же мысли в начале и в конце предложения. Если в английском и русском предложениях это частичное повторение, в татарском языке повторяющиеся элементы идентичны: «Чөнки мин хәзер азат кеше, – диде Джордж, *горурланып*. Әйе, әфәндем, моннан соң мин һичбер кемгә "хужам" дип эндәшмәм. *Мин хәзер азат кеше*» [5, с. 136]. В данной работе необходимо отметить, что стилистические средства языка могут дополнять любую модальную фразу, усиливая или, наоборот, ингибируя экспрессию предложения.

Грамматические средства выражения модальности включают в себя наклонение и видо-временные формы английского глагола. В зависимости от наклонения мы имеем дело с предложениями или высказываниями в изъявительном, сослагательном и повелительном наклонениях, которые могут быть представлены разветвленной системой видо-временных форм английского глагола и иными грамматическими формами (например, временной системой *Future in the Past*, которая встречается в основном в условных или гипотетических предложениях, грамматическая конструкция *I wish* и т.д.). К грамматическим средствам выражения модальности можно было бы отнести и целый ряд модальных глаголов, так как они участвуют в грамматическом формировании предложения, образуя при этом целую подсистему вспомогательных глаголов. Но принимая во внимание тот факт, что это отдельно взятые слова или фразы, содержащие модальное отношение, то справедливо будет их рассматривать наряду с лексическими средствами выражения модальности, на которых мы остановимся позже.

Многие из грамматических форм английского языка в художественных произведениях указывают на ирреальную модальность и выражают неуверенность или несостоятельность идеи. "You won't shoot me, now, Mary, if I say I do!" [3, с. 58] «А если я скажу "да", Мери, ты меня не убьешь?» [4, с. 41]. Передача условных предложений первого типа (1 Conditional) происходит при помощи флексий *-са, -сә* и *-мас, -мәс* (отрицательная форма будущего времени), указывающих на гипотетичность высказывания «Әйе дисәм, син мине кыйнамасыңмы соң?» [5, с. 100].

Передача ирреальной модальности происходит и за счет глаголов с модальным значением (*seem*), лексических элементов, выражающих неуверенность (*something*) и особых вопросительных форм английского языка (в данном случае *Interrogative question*). "Jim," he said to his man, "seems to me we met a boy *something* like this, up at Beman's, didn't we?" [3, с. 77] «Джим, – сказал он своему слуге, – помнишь того молодчика в Бернани? Как будто его приметы» [4, с. 55]. В татарском языке есть схожая вопросительная форма, основанная на использовании вопросительных слов в конце утвердительного предложения (в данном примере слово *хәтерлисезме*): «Джим, – диде ул үзенең хезмәтчесенә. Безгә Бернен тирәсендә шундый бер егет очраган иде шикелле, *хәтерлисезме?*» [5, с. 128]. Лексически ирреальность высказывания

поддерживается словом *шикелле*, который указывает на неуверенность говорящего в своих доводах.

Английская форма *I wish* полностью идентична с татарским *-ын теләр идем*, которая часто используется в гипотетических высказываниях. "I wish he'd never been born!" said George, bitterly. "I wish I'd never been born myself!" [3, с. 13] «Лучше бы ему не родиться на свет божий! – с горечью воскликнул Джордж. – И ему и мне!» [4, с. 8] «Мин аның беркайчан да дөньяга килмәгән булуын теләр идем! – диде Джордж, кайгылы тавыш белән» [5, с. 30].

Также иногда для большего влияния на собеседника используются формы *Do + inf.*, то есть перед инфинитивом идет вспомогательный глагол *do*, который в несколько раз усиливает высказывание. Такое высказывание звучит как приказ, обязательный для выполнения или, наоборот, как огромная просьба и умиление. "O, don't, mother! I should like the flowers; *do give* them to me; I want them!" "Why, Eva, your room is full now." "I can't have too many," said Eva. "Topsy, *do bring* them here." [3, с. 205] «Мама, не гони ее! Дай мне этот букет! – Ева, у тебя и так полна комната цветов. – Чем больше, тем лучше, – сказала девочка. – Топси, поди сюда» [4, с. 313]. В татарском языке такое усиление часто передается при помощи частицы *эле*, который в отличие от наречия «эле» не несет смысловой нагрузки, но только одновременно усиливает и смягчает побудительный глагол *бир*. Сам глагол без частицы звучит грубовато, а с частицей указывает на близость или расположенность собеседников друг к другу. «– Ай эни, Топсига тимә! Бу чәчәкләр миңа бик кирәк. Топси, бир миңа, мин мондый чәчәкләрне бик яратам! – Ева, синең бүлмәң болай да чәчәкләр белән тулган. – Чәчәк никадәр күбрәк булса, шулкадәр яхшы, – диде Ева. – топси, чәчәкләрне миңа бир эле» [5, с. 267]. Но данная частица не является обязательным элементом при переводе формы *Do + inf.* и может быть опущена в татарском варианте текста, как в следующем примере. I shall never go there, papa; – I am going to a better country. O, do believe me! Don't you see, papa, that I get weaker, every day? [3, с. 207] «Нет, папа, мне там уже не бывать. К тому времени я перенесусь в другую обитель. Это правда, папа! Неужели ты не видишь, что я слабею с каждым днем?» [4, с. 315]. «Юк, этием, мин анда беркайчан да бара алмам инде! Ышан миңа этием! Әллә син күрмисеңме, этием, мин бит көннән-көн начарлана барам» [5, с. 269]. Здесь мы также видим, что английский вспомогательный глагол *do* может использоваться и как элемент настоящего убеждения, который в татарском языке отдельно не выделяется. Но иногда для выделения речи в татарском языке может быть использовано слово *күр*, которое может быть использовано как эквивалент вышеупомянутого усиления с использованием вспомогательного глагола. И предложение из перевода Г. Губая можно было бы трансформировать следующим образом: «Ышана күр миңа этием!». Но здесь данная частица может быть воспринята не совсем корректно (так как унижает силу и уверенность сильной героини, которая понимает скорую кончину и при этом пытается поддержать своего отца), и поэтому переводчиком не используется.

Лексические средства выражения модальности в английском языке представлены словами с модальным значением, которые включают в себя глаголы мыслительной деятельности, модальные глаголы, вводные слова, союзы и различные модальные словосочетания и фразы. При этом в процессе перевода они могут быть заменены и грамматическими формами, например утвердительное предложение в переводе может стать вопросительным: "I *wonder* what keeps Eliza," said Mrs. Shelby, after giving her bell repeated pulls, to no purpose [3, с. 31] – «Не понимаю, почему Элиза так задержалась?» – сказала миссис Шелби, уже не в первый раз дергая звонок [4, с. 20] «Аңлыым алмыым, бу Элизага нәрсә булды икән? – диде ул» [5, с. 58].

В следующем примере это переход от английского *probably* к татарскому *мөгаен*. Ran away from the subscriber, my mulatto boy, George. Said George six feet in height, a very light mulatto, brown curly hair; is very intelligent, speaks handsomely, can read and write, will **probably** try to pass for a white man, is deeply scarred on his back and shoulders, has been branded in his right hand with the letter H. [3, с. 76] «Убежал от нижеподписавшегося молодой мулат Джордж. Рост – шесть футов, кожа светлая, волосы каштановые, вьющиеся. Сметливый, говорит складно, грамотный. Вероятно, будет выдавать себя за белого. На спине и на плечах – глубокие рубцы. Клеймен в правую руку литерой «Г» [4, с. 120]. «Түбәндә кул куючының Джордж исемле яшь кенә бер мулаты качты, буе алты фут, төне әллә ни кара түгел, чәче коңгыр-кара, дулкынланып тора, белемле, бик уңган, бик оста сөйләшә, укый-яза белә. **Мөгаен**, үзен ак тәнле итеп күрсәтергә тырышыр. Аркасында да, иңбашларында да яра эзе бар. Уң кулына яндырып «Г» хәрәфе язылган» [5, с. 126]. Такой же прямой перевод мы наблюдаем и в следующем примере, где происходит переход от слова *might* к слову *бәлкем*, которые очень близки по значению и

передают ирреальность предложения без видимых потерь. She **might** have been sixty, but was older than that by hard work and disease, was partially blind, and somewhat crippled with rheumatism [3, с. 85] «Изнурительный труд и болезни, по-видимому, состарили ее прежде времени. Она почти ничего не видела, руки и ноги у нее были скрючены ревматизмом» [4, с. 135]. «Бәлкем аңа чыннан да алтмыш яшь кенәдер, ләкин ул картрак булып күренә: чир һәм чамаан тыш авыр эш аны вакытсыз картайткан, гәүдәсе корышып, бөкрәеп беткән, күзләре дә бик начар күрә» [5, с. 140].

Императивная модальность на татарский язык обычно передается эквивалентной английскому ядерной формой глагола. Если в английском языке это инфинитив без частицы *to*, то в татарском языке корневая форма имеет признаки 2 лица единственного числа: "There, there, darling," said St. Clare, soothingly; "only don't distress yourself, don't talk of dying, and I will do anything you wish." "And **promise** me, dear father, that Tom shall have his freedom as soon as" – she stopped, and said, in a hesitating tone – "I am gone!" [3, с. 199] «Ну хорошо, хорошо, дорогая! – ласково сказал Сен-Клер. – Я сделаю все, что ты захочешь, только не огорчайся и не говори о смерти. – И обещай мне, папа, отпустить Тома на волю, когда я... – она запнулась, потом неуверенно договорила: – когда я уйду...» [4, с. 306]. «– Я житәр, кызым, житәр, кадерлем, диде Сен-Клер, Еваны тынычландырырга тырышып, - бары кайгырма гына һәм үлем турында сөйләмә, ә мин, син ни теләсәң, шуны эшләргә. – һәм син, кадерле әтием, Томны азат итәргә **сүз бир**, – диде Ева һәм туктап калды. Аннан кыюсыз гына әйтеп куйды: – Мин киткәч азат итәргә сүз бир ...» [5, с. 74].

Очень часто в существующих переводах мы сталкиваемся с пропусками переводимых элементов. Иногда это могут быть отдельные слова или фразы, а иногда и целые главы произведений. Очень часто сокращаются элементы текста, содержащие модальные отношения, так как они создают дополнительные трудности для переводчика. Например, в следующем предложении не переведены фразы «*suddenly catching his breath*» и «*which made his mistress laugh, spite of herself*» и также частично передана атмосфера всего высказывания: "Lord knows! High! Didn't say dat!" said he, suddenly catching his breath, with a ludicrous flourish of apprehension, which made his mistress laugh, spite of herself. "Yes, Missis, I'll look out for de hosses!" [3, с. 35] «Я, миссис, понятливый, – сказал Сэм, многозначительно вращая глазами. – Вы за лошадей не беспокойтесь...» [4, с. 23] «Сэм күзләрен бик әһәмиятле итеп әйләндерә-әйләндерә: – Тыныч булыгыз, мин, ханым, атларны бик әйбәтләп карармын, – дип куйды» [5, с. 63].

В некоторых случаях сокращения текста происходят при вторичном переводе произведения (в данном случае при переводе с русского на татарский): "And he never would have let this yer come on me, if he could have seed it aforehand. I know he wouldn't" [3, с. 69]. «Если б мистер Шелби заранее знал, что дела у него обернутся плохо, он не продал бы меня. В это я твердо верю» [4, с. 48]. В данном случае сокращено все предложение, в татарском переводе его просто нет. В следующем примере также сокращено целое предложение "I shall come after you. I shall not forget you" [1, с. 200]. В русском тексте данное предложение опущено, соответственно его нет и в татарском варианте.

Подводя итоги, можно сказать, что модальность художественного произведения может быть выражена различными лексико-семантическими средствами языка, которые могут варьироваться в процессе перехода с одного языка на другой для сохранения оригинальной идеи автора и атмосферы всего произведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Балли Шарль*. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли; пер. с 3-го фр. изд. Е.В. и Т.В. Вентцель; ред., вступ. ст. и примеч. Р.А. Будагова. - 2-е изд., стер. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 416 с.
2. *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов; под ред. Г.А. Золотовой; предисл. В. Костомарова [и др.]. –М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
3. *Stowe Harriet Beecher*. Uncle Tom's Cabin; Or Life Among the Lowly. Unabridged edition. With introductory remarks by the rev. James Sherman. – London: Henry G. Bohn, York Street, Covent Garden, 1852. – 329 p.
4. *Бичер-Стоу Г.* Хижина дяди Тома : Роман / Гарриет Бичер-Стоу ; пер. с англ. Н. Волжиной; Ил. Н. Цейтлина . – М.: Правда, 1980. – 476 с.
5. *Гарриет Б.С.* Том агай алачыгы. Г. Гобәй тәржемәсе. – Казан: Таткитнәш, 1968. – 386 с.
6. *Миннихметов Р.Г.* Модальные слова в татарском языке: Учеб. пособие / Р.Г. Миннихметов. – Уфа: БГУ, 1999. – 84 с.
7. *Хисамова В. Н.* Глагольная система татарского и английского языков: сопостав. анализ в аспекте изучения англ. яз. на базе родного (татар.) яз. / В.Н. Хисамова; Ин-т истории им. Ш. Марджани Акад. наук Респ. Татарстан, Центр истории и теории нац. образования. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004.

REFERENCES

1. *Balli Sh.* Linguistique générale et linguistique française. [Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka]. Moskva: Editorial URSS, 2001. 416 p.
2. *Vinogradov V. V.* The Russian language: grammatical study about word. [Russkiy yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove]. Moskva: Russkii yazyk., 2001. 720 p.
3. *Harriet S. B.* Uncle Tom's Cabin; Or Life Among the Lowly. Unabridged edition. With introductory remarks by the rev. James Sherman. London: Henry G. Bohn, York Street, Covent Garden, 1852. 329 p.
4. *Garriet B.S.* Uncle Tom's Cabin: the novel. Translation from the English language by Volzhina. [Khizhina dyadi Toma: Roman. Per. s angl. N. Volzhinoy]. Moskva: Pravda, 1980. 476 p.
5. *Garriet B.S.* Uncle Tom's Cabin. Translation by G. Gobay. [Tom agay alachygy. G. Gobay tǝrgemǝse]. Kazan: Tatkitnesh, 1968. 386 p.
6. *Minniakhmetov R.G.* Modal words in the Tatar language. [Modalnye slova v tatarskom yazyke]. Ufa: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet, 1999. 84 p.
7. *Khisamova V. N.* Verbal system of the Tatar and English languages: a comparative analysis in the aspect of study of the English language on the basis of the native (Tatar) language. [Glagol'naya sistema tatarskogo i angliyskogo yazykov: sopostav. analiz v aspekte izucheniya angl. yaz. na baze rodnogo (tatar.) yaz.]. In-t istorii im. Sh. Mardzhani Akad. nauk Resp. Tatarstan, Tsentri istorii i teorii nats. obrazovaniya. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 2004. 250 p.

Information about the author

Муллагалиев Наркиз Камилевич, ассистент, кафедра теории и практики английского языка, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия, narkizmoullagaliev@mail.ru

Получена: 08.12.2015

Для цитирования статьи: Муллагалиев Н.К. Лексико-семантические средства выражения модальности в художественных произведениях Гарриет Бичер Стоу и их переводы на татарский язык. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Том 7. № 7. Часть 2. с. 258-263.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/2-258-263

Информация об авторе

Moullagaliev Narkiz K., Assistant, Department of Theory and Practice of English language, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, narkizmoullagaliev@mail.ru

Received: 08.12.2015

For article citation: Moullagaliev N.K. Lexico-semantic means of expressing modality in the works by Garriet Beecher Stowe and their translations into Tatar language. [Leksiko-semanticheskie sredstva vyrazheniya modal'nosti v khudozhestvennykh proizvedeni-yakh Garriet Bicher Stou i ikh perevody na tatarskiy yazyk]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2015. Tom 7. № 7. Vol. 2. Pp. 258-263.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/2-258-263